

АНВэ
Ольга Ингуз

МыШли

*Литсемья
ИнгузАНВэ*

АнВэ
Ольга Ингуз
МыШли. Литсемья ИнгузАнВэ

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26338501
ISBN 9785448573965*

Аннотация

Мы долго шли к тому, чтобы поделиться мыслями с вами, дорогие читатели. А пока мы шли, мысли мышами скреблись у нас в головах. Представляем наши стихи и прозу старых и новых лет. Ждём вас в гости на inguzanve.net Ваши ИнгузАнВэ.

Содержание

Проза АнВэ	6
Моя убийственная пустота	6
Чувство вечной осени	21
Конец ознакомительного фрагмента.	37

МыШли

Литсемья Ингуз АнВэ

АнВэ

Ольга Ингуз

Иллюстратор clst

Иллюстратор АнВэ

Иллюстратор Мария Исламова

Иллюстратор Софья Светличная

Иллюстратор Ольга Ингуз

Иллюстратор Анна Платонова

Редактор Ольга Ингуз

© АнВэ, 2017

© Ольга Ингуз, 2017

© clst, иллюстрации, 2017

© АнВэ, иллюстрации, 2017

© Мария Исламова, иллюстрации, 2017

© Софья Светличная, иллюстрации, 2017

© Ольга Ингуз, иллюстрации, 2017

© Анна Платонова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-7396-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проза АнВэ

Моя убийственная пустота

Иллюстрация clst

1

В пустой, но как будто тесной темноте слышу какой-то неясный звук. Это не стих и не песня. Сажу в гулкой тишине, безумно нарушая её, нашёптываю шероховатую прозу. Вместо мира – огромное ничего. Я слышу музыку во всём, даже там, где для других её нет. В немой пустоте звук оторвался от губ и запел собственной жизнью. Пустота чёрная, но толь-

ко на первый взгляд. Если присмотреться, то в ней можно заметить угольно-синие тени, в которых тают тёмные сгустки. Пустота снаружи и внутри. Часто ловлю себя на мысли, что совсем ничего не чувствую. У меня нет нервов, вместо них ветер играет бельевыми верёвками в заброшенном доме. Они слабо натянуты и никак не похожи на струны музыкального инструмента, на котором можно хорошо сыграть. Потому и не пою, только нащёптываю эту прозу. Пусто снаружи и внутри.

Где бы взять смыслы, если их нет? Придумать? Глупо... И всё это тоже глупо. В ничтожной жизни шелкопряда больше смысла, чем в моём существовании. После меня не остаётся ничего, а после этого червяка – шёлк. Я – лишняя деталь в схеме этого мира. Остаётся пихать в себя чужие смыслы, закусывая их нарезным ржаным хлебом, запивая дешёвой среднегазированной минералкой, мечтая быстрее вернуться туда, где не за кем будет следить. Но остался ещё один вызов, после которого я опять освобожусь на какое-то время.

Человек лежит на асфальте ничком. Ещё дышит, но всё уже понятно. Обшарпанные дома троллями сутулятся вокруг него. Почти колодец, если бы их было четыре. Но вместо ещё одного дома перед лежащим зияет разрытая тепломагистраль, которую рабочие оставили в покое на все праздники. Казалось, что дома спорят, умрёт ли человек. Их неприглядные стены уже поплыли в туманном взгляде лежащего. Очевидно, какой-то дом выиграл спор. А над серыми

кварталами встаёт мёртвый лес заводских труб. Но сейчас они не дымят. Многоэтажки скалятся антеннами в небо, почти протыкая его. Вообще здесь оно еле держится. Было бы куда падать – рухнуло бы. Даже любой свет здесь холоден. Каким мрачным стал этот мир. Неужели кто-то любит его таким? Я не хочу быть здесь, но приходится.

Пошёл первый и последний снег в этом году. Не то чтобы снег – жалкие белые крохи вместо красивых медленных хлопьев. Глупо забирать у человека жизнь в пятницу под Новый Год. Хотя чего это я? Ничего личного, как они говорят. Нет, пусть ещё поживёт немного, а я доем свой чёрствый хлеб и допью ледяную минералку. Эх, сейчас бы блины на блюдец...

Вот все вокруг празднуют, а этот человек одиноко лежит здесь. Даже бегущая мимо чёрная кошка, почуяв меня, развернулась, и, шипя, умчалась прочь. Может, если я заберу его душу, так будет лучше? Нет, не моё! Так думают только люди, я же всего лишь исполняю, но не решаю ничего. Зачем мне думать, переживать? Но почему-то иногда я умею это делать. А жаль... Эх, если бы у меня было постоянное тело, тогда и сердце болело бы всегда. Нет, не надо этого. Люди ведь слишком несчастны. Наверное, даже больше, чем я. Они все слишком разные: богатые или бедные, но такие недолговечные, что похожи на мотыльков. Летят прямо на свет, не замечая друг друга, сгорают, не оставляя следа. А тот, кто успеет задеть лампочку крылом, всего лишь смахнёт с неё пыль –

не более.

Минералка кончается быстро. Хоть бы мусорку поставили, а потом ещё удивляются, что бутылки везде валяются. Опять придётся руками её расплавить... Липкая, как пластилин, чернота на ладонях и между пальцев, мерзкий запах горящего пластика – всё, нет бутылки. И руки налились неестественным для меня теплом. Резкий взмах кисти – капли жидкого пластика упали на ледяную землю, зашипели и замёрзли.

Тихо до рези в ушах. В голове не осталось мыслей, только давящая боль. Сердце уже остановилось, но тело ещё конвульсивно цеплялось за жизнь. Оно хотело кричать, только оставалось немым. Так под водой хочется вздохнуть и забываешь, что, если открыть рот, вода наполнит лёгкие. Все ощущения смешались, как на первом свидании, как во сне, но всё это неточно. Закончить жизнь совсем не то, что начать её. Есть общие моменты: боль, облегчение, миг полёта. На этой грани слова теряют смысл. Остаются даже не ощущения, даже не чувства, а что-то слишком тонкое, невыразимое, ничтожно главное, осмысленно вымученное. Это меньше тени точки в нуле. Человек продолжал неподвижно лежать. Даже на расстоянии мне было понятно, как спокойно леденело тело.

Прекратился снег, замер ветер, далёкий фонарь перестал мигать, звуки утонули во внезапной тишине. Ни в одном окне не погас и не зажёгся свет. Тень без предмета склонилась

над лежащим человеком. Тело уже расставалось с душой. Она легла мне в руки, тёплая, как свежий хлеб, круглая, как мяч, живая, как этот человек сегодня утром. Увидела ли она в моём силуэте крылья или рога с хвостом, не так уж и важно. Мои руки метнули её в небо, как люди подбрасывают голубей. Силуэт же растаял снегом. Мне не важно, взлетит она или упадёт. Я просто делаю свою работу, точно так же как токарь доводит деталь до совершенства. И мне не дано увидеть смерть – потому что я не отражаюсь в зеркалах. Может быть... Кто я? Да нет, это глупости.

Дёрнулась мышца, как басовая струна. Надрывно дрогнул пульс. Стоячая кровь не спеша потекла по замёрзшему организму. Он открыл глаза, как ни странно, увидел тёмное небо и белый снег. Сознание возвращалось к лежащему. Снаружи не было никакого движения, кроме мягко падающего редкого снега, который сразу таял на лице. Тело снова стало человеком. Душа не смогла взлететь и упала обратно в голову. Почему? Тот человек сам должен знать. Зачем судить? Ни его, ни этот мир, ни меня. Рай, ад – всего лишь громкие слова. Снег проще, понятнее и ближе. Он падает, не опускаясь в ад, парит, не поднимаясь в рай. Его не мучают вопросы о смысле жизни. Он просто рождается, чтобы умереть и воскреснуть, не выходя за пределы мироздания. Может, поэтому людям нравится сравнивать себя со снегом?

2

Машина скорой помощи резво подскакивала на каждой

колдобине. Этот серый кирпич на колёсиках трясло от малейшей кочки, а здесь, в запущенных дворах, старая дорога совсем просела и скорее походила на русло пересохшей реки. Лёд и щебень кричали под малоуправляемым уазиком, который в народе прозвали «буханкой». Большелобый, лысый, небритый водитель искусно матерился. Казалось, что он пытается посадить самолёт, у которого отказали все двигатели. Толстые татуированные Жорой пальцы то скользили, то снова цеплялись за прорезиненный руль.

Болезненно худая женщина-врач не обращала внимания на мат, зная, что этот бандитского вида водитель просто так разговаривает. На груди у неё маятником дёргался стетоскоп, костлявые пальцы зачем-то его ловили, но каждый раз отпускали на свободу. Врачу оставалось только молча подпрыгивать вместе со всем салоном, в котором всё, даже самые мелкие детали медицинского декора, были закреплены на своих местах. Например, скляночки с непонятными для пациентов микстурами, ампулы с инъекциями лежали в закрытых мягких чехлах, те, в свою очередь, были пристёгнуты к полочкам и шкафчикам. Это женская рука навела здесь порядок.

Сосредоточенный до пота Жора дёрнулся и затормозил – уазик с ледяным треском плюхнулся в огромную колею. Одно колесо провалилось сильнее остальных – салон резко накренился. Через стекло было отчётливо видно infernalную табличку на ближайшем доме: ул. Булгакова, 13. Свет

фар упёрся в лежащую фигуру. Врач среагировала быстро, словно её кто-то дёрнул разом за все нитки. Не успел Жора моргнуть – хлопнула дверца.

Водитель помог затащить пациента. Обычно Жора никому из врачей не помогал, но эта была его сродной сестрой. Просто выросли они в слишком разной обстановке, потому она – врач, а он – водитель. Снова хлопнули дверцы машины. Узик фыркнул, зарычал – вылез из колеи. А рядом мой бесформенный силуэт проступал через внезапно начавшийся снегопад, такой пустой, прозрачный и безразличный. Меня, как обычно, не было видно. Просто снег повалил так сильно, что стало заметно похожую на человека фигуру, на которую не упала ни одна снежинка.

Душа не смогла взлететь, значит, не сейчас. Ещё слишком рано. Я когда-нибудь вернусь, чтобы помочь ей освободиться. Мне пора домой – в недвижимую чёрную пустоту, больше похожую на бесконечно наполненную смыслом бездну.

3

Мне кажется, я начал видеть сны, потому что не могу дать объяснение произошедшему. Всё меньше и меньше отличаюсь от людей. Хотя звери тоже видят сны. Люди старательно отгораживаются от природы, а я противопоставляю себя и им, и ей. А ещё той, что бестелесно держит невидимую свечку в момент, когда начинают новую жизнь. Мы практически не видимся, наши пути редко пересекаются. Сейчас женщины почти не умирают при родах. Она дарит то, что я

забираю. Белый ласковый свет контрастно граничит с моей чёрной пустотой. Но мы не видим друг друга, скорее, чувствуем присутствие. Мне кажется, все слова о жизни, любви и радости только про неё и сказаны. Интересно, могли бы мы стать парой? Или я всего лишь бесплотный одинокий зверь? На эти размышления меня натолкнул последний сон:

Я пришёл в странное белое место, о котором люди думают до самого конца жизни. Времени здесь вообще не было.

Я замкнул очередь, она шла по спирали, медленно закручиваясь. Впереди на свету исчезали души. Наконец белое свечение добралось до меня, и прежде чем растаять, я кое-что увидел. Шарики вращались по спирали, внутри ещё тысячи подобных витых линий. Всё, что можно представить, – тоже их часть. Скруглённая витая Вселенная, похожая на хрустальный шар, в котором плавают бесчисленные звёзды.

Я мог задать любой сложнейший вопрос и сразу получить доступный ответ, но очередь не может остановиться, души не должны ждать. Правда, чуть позже всё это сотрётся из памяти, как я сам. Вот она, соль: знаешь тайны, раз – и всё. Но перед этим белым светом я начал вспоминать то, что давно уже знал. Такой хитрый механизм, жестокая конвейерная лента. Я не успел задать ни одного вопроса, как кто-то меня начал втягивать в белый свет:

– Подумай о чём-нибудь.

– Хорошо.

– Выбор уже сделан, прощай.

– Я вернусь сюда?

– Если захочешь. Пойми, каждый видит всё это так, как он представлял при жизни. Ты не слишком веришь ни одной из религий и потому видишь образ конвейера.

– Бог, ад или рай есть?

– В следующий раз...

– Кто я? Смерть...

– Почти...

– Но я всё забуду!

– Значит, никогда...

Всё исчезло – возможно, я проснулся. Взглянул наверх, и мне показалось, что невидимый Смотритель улыбнулся с высоты, а вокруг, в пустоте, захлебнулась диким смехом метель.

4

На асфальте блестели тысячи снежинок. Серебристые дома мёрзли снаружи, грели внутри. Даже тепломагистраль залатали и зарыли до новых аварий. Заводские трубы почему-то дымили белым, казалось, они подогревают весь город.

Ежи метровых антенн поддерживали небо. Может, потому оно здесь ещё держалось? Был тёплый зимний день. Этот мир не казался мрачным. Я люблю его таким. Особенно сидя в кафе и попивая горячий мокко, который всё же не может согреть меня изнутри. Пью почти кипяток, а щёки даже не розовеют. Тепло растворяется в моём холоде, но созда-

ёт уют.

За окном пошёл красивый, почти декоративный снег, как будто асфальт – это булочка, щедро посыпанная ванилином. Но пора встретить человека, не забывающего ничего. Пока он шёл, мне успели принести блины. Забавно, что люди по-разному видели меня. Для персонала за столиком сидел угрюмого вида средних лет клиент в чёрном пуховике, для детей на стуле развалился смешно одетый юнец, похожий на весёлого клоуна; казановы видели эффектную даму в ярко-дорогой шубе, а одинокие девушки – романтично настроенного молодого человека с розой в руках. Всем им ещё долго жить, потому что те, кому мало осталось, вместо меня наблюдали пустой столик. Но только тот, кого я жду здесь, видит мой настоящий облик. У Испытателя другая роль: он – простой человек, который, умирая каждый раз, помнит всё, что с ним было до этого, включая каждый мой приход. Можно сказать, мы друзья.

– Наверное, глупо желать тебе здоровья, скажу лучше привет.

Я отвечаю тем же словом и поднимаю глаза. На этот раз передо мной стоит девушка лет двадцати типичной наружности, невзрачно одетая.

– Как рано, – вслух досаую я.

– М-да. Неудачная жизнь – надо начинать сначала. Переигрывать, так сказать. Я не жалею ни о чём с тех пор, как помню всё. Кстати, ты знаешь, что такое компьютерные иг-

ры?

– Немного. Но несколько человек от них умерли по-настоящему.

– Иногда мне кажется: вот начинаю я снова жить, а это всё обман. Как будто загружаю последнее сохранение, но в нём ошибка, и игра выкидывает меня на самое начало.

– От них у кого-то приступ этой, как её?

– Эпилепсии?

– Точно! А кого-то ещё сердце подвело. Ну да, что это я о работе? Как ты?

– Умираю, как обычно.

– А что кроме этого делаешь?

– Да так, рисую и пишу, а вообще не знаю, где себя реализовать. Как обычно. Рождаюсь и умираю, но ничего не меняется, – она почти улыбнулась.

– Ясно, – на этом слове я обнял её и забрал душу. Никто в кафе этого не заметил, только двумя посетителями стало меньше.

5

Как очень часто пишут и говорят, прошло много времени. С этим не поспоришь, действительно, секунды, часы и минуты именно идут. Вернее, уходят навсегда. Например, как взмахи того маятника-стетоскопа. Я не ощущаю их, но знаю, что люди обычно не забывают о времени, напряжённо задумываясь, до чего же дожили. Видимо, в этом виновата их хрупкая физиология. Цари природы ничем не лучше безум-

ных, ослеплённых местом и временем мотыльков. А мне скучно считать бесконечность, хотя она ли это?

Но снова нужно идти оправдывать своё существование. И опять это тот же человек. Даже не зная, как его зовут, всегда смогу понять, кто передо мной. Я вообще не помню имён, только лица, особенно глаза. Взгляд – это нечто непередаваемое. Некоторые смотрят на тебя самой жизнью, у других же внутри пустота, похожая на мою. Глаза не знают языков, они беззвучно передают состояние и мысли. Иногда люди способны понимать это. Через глаза видно душу, наверное, потому что она лежит в голове. Странно, но её расположение часто приписывают другим органам. Может, из-за того, что они чаще болят? А как же мигрень в таком случае? Всё это какие-то предрассудки: приписывать голове – расчётливость, а сердцу – чувственность. От человека же зависит, а никак не от того, где у него душа. У многих она в пятки уходит, но всё равно же в голову возвращается. И размеры её не влияют на качество. Бездушных людей не бывает, просто так говорят про тех, у кого она не на месте. Нельзя душу потерять или продать. Она заперта в теле до моего прихода и самопроизвольно освободиться не может. За всеми я не могу успеть в одиночку, поэтому есть другие Исполнители. Но с ними мне не встретиться, мы всегда друг от друга далеки. Как жаль, что нельзя отказаться или послать кого-нибудь другого вместо меня к тому человеку...

Он сильно постарел, но преклонный возраст сделал его

ярче. Волосы светились чистой сединой, спокойные глаза наполнил смысл, глубокие морщины легли на лицо правильными линиями. Всё его тело было настолько безмятежно, что создавалось ощущение статуи. Даже дышал старик тихо-тихо. Я подумал, что опоздал, но он вполне ясно посмотрел в мою сторону. В комнате никого не было, кроме могильного холода и меня. Я непроизвольно появился. Тень обвила меня, как плащ, бесцветные глаза позеленели, белая кожа проявилась, как на фотографии. Вид тот ещё. Под мои ноги, которые больше не отбрасывали тени, подскочил пол, вокруг меня сомкнулся воздух, в нос ударил резкий запах старости. Всё стало таким предметным. Даже старик. Теперь он меня точно видел, но ничего не хотел или не мог сказать, просто смотрел. Мне казалось, что на меня смотрит уже труп, но он моргал, и это было самым страшным. Чувствуя в себе пустоту, я бежал от невыносимо смиренного взгляда. Старик давно меня ждал. Но я не хотел приходить за ним. Пусть это эгоистично, глупо и неправильно.

Что ему было надо? Зачем он смотрел на меня? Должно быть наоборот. Он же не может ничего мне сделать! Неужели я только тень? Или мёртвая душа, собирающая души? Кто же, что же я такое? Неужели я – это я? Ненужный клубок обесточенных проводов-нервов. Сколько раз я хотел спросить у очередного человека, зачем мне нужно всё это делать, но люди не хотят слушать. Они корчатся в агонии, боятся или, наоборот, смело смотрят сквозь меня. После таких мыс-

лей остаётся только тяжёлое чувство собственной пустоты. И никаких ответов, только немые мрачные абстракции.

Снова комната в серых тонах, занавешены окна. Старик лежит на кровати. Я вхожу, ведя за собой мертвецкий холод. На этот раз на мне балахон, только нет косы. Это пафосный балласт. Вместо косы я несу какую-то нелепую ответственность на своих плечах. Устало служу непонятно кому, неясно зачем. Почему-то терплю всё это. Живу уже почти как люди, ненавидя своё бессмысленное существование. Записываю свои мысли, шепчу их в ночной тишине. Вот дети умирают легко, потому что верят в чудеса. Взрослые же давно перестали воспринимать мой мир. Хотя некоторые из них опережают своё время с помощью верёвок, газа, таблеток и других опасных вещей. Но стоит вернуться в ту серую комнату.

Старик крепко спит, сжимая книгу, словно мягкую игрушку. Иногда конец и начало так похожи. Даже перед смертью старик, как дитя, читает! Я восхищён, но должен сделать своё дело. Вокруг пахнет старостью и книгами. В воздухе, играя на солнце, летает пыль. Лучи пробиваются тонкими полосками между плотных занавесок. Пыль искрится, как снег под светом сутулых фонарей. Это же так просто: подойти и достать из человека душу. Мои ладони помнят её тепло. Я двигаюсь сквозь предметы, не двигая даже пыль. Здесь нет ничего постыдного. Тогда почему же я занимаюсь самоубеждением? В людях добра и зла наполовину, они сами выбирают то, чего станет больше. Во мне же нет совершенно

ничего – только разрывающая меня изнутри пустота.

Каждый его вздох – это мой неслышный шаг. Мне нужно только вытянуть руки и дотронуться пальцем до головы. Это так безумно легко и невыносимо сложно! Словно что-то сдерживает меня. Но я должен, просто обязан. Легко, но так сложно! Почему я не могу сделать это?

Тяжело вытягиваю руки, слегка покалывает дрожащие пальцы. Обрываются два дыхания. Долгая пауза, всё остановилось: сердце, время, мир. Блаженный миг напряжённого спокойствия. В такие секунды рождаются и умирают жизни. Время стартует обратно, но сердце уже не бьётся. Только ладони ощущают тепло души, которое разливается до запястий. Как будто не я, а он держит мою душу у себя в руках. И вместо прощай шепчет: «Пока!» Во мне не осталось пустоты. Я зашатался на тяжёлых ногах. Как будто из меня вырвали что-то. Какой-то важный кусок, без которого нельзя жить. Я вижу что-то круглое в руках у старика. Ноги подкосились – упал на колени. Я молчу в мёртвой темноте и медленно сползаю на пол. Тает последний звук, уже ничто не нарушит мой покой. И пустота стала тишиной.

Курган, Декабрь 2014 – январь 2015

Чувство вечной осени

Иллюстрация АнВэ

За жёлто-красным парком, наполняющим воздух осенними ароматами, горевало безызвестное серое здание. Оно, как изгой, стояло отдельно от всей городской суеты. Его наполовину скрывал воротник бетонной стены и плотная вуаль деревьев. Непрístupная крепость. Не было у неё ни ржавой таблички, ни малейшего намёка на предназначение. Регулярно какой-нибудь глазастый прохожий пытался понять, что же там спрятано, но всё заканчивалось уходом зеваки. Здание не спешило делиться своими секретами.

Каждое утро, в 8:00, большие серебристые ворота, украшенные цветами из металла, открывались, выпуская на волю мрачный фургон чернильного цвета. Вечерами машина возвращалась, причём строго в 21:00. Из дня в день расписание не менялось ни на минуту, несмотря на выходные, праздники и другие календарные катаклизмы. Время обходило этот странный дом стороной.

Но той осенью фургон всё-таки прибыл раньше. Это сын только что вернулся из-за границы, где получил степень бакалавра в престижнейшем университете и даже успешно сдал экзамены в магистратуру. Молодой человек прямо из аэропорта примчался к своему отцу, ещё не признанному гению науки. Младший уже начинал идти по стопам семьи. В дипломе у него было написано «биомедицинский инженер». Также он занимался собственными исследованиями, даже получил грант на одно из них и уже планировал

посвятить всего себя науке, как и несколько поколений его предков. Серый дом был лабораторией, переходящей по наследству. Красивый парк проникал через ограду и лучше неё скрывал угловатые очертания двухэтажной постройки старых лет. В таких зданиях по традиции делали обширный подвал, в котором не раз заходили за грань биоэтики. Там, в святая святых, только по утрам поднимаясь наверх, творил гений. Он выбирался из своих катакомб в основном за продуктами, газетами или оборудованием, реже – за подопытными животными. Всё это и многое другое доставлял фургон. Но больше всего гению не хватало сына, который с детства был отличным ассистентом. Кстати, неразошедшиеся экземпляры газет в этом доме заказывали из типографий пачками, но никогда не читали. Их использовали как подстилку для грязных экспериментов или скудной трапезы в подвале. К тому же в последнее время пресса только для этого и годилась.

Страницы желтели – творец седел. Он всегда жил непонятными для обывателей мыслями, дневниками, формулами. Слабые, но пока ещё густые волосы не помнили расчёски, борода – бритвы, ногти – ножниц, а красные от бессонницы глаза постоянно слезились.

Иногда он приводил себя в порядок перед каким-нибудь научным съездом, симпозиумом или, как говорят простые смертные, сборищем. Ещё гений не брезговал благотворительными вечерами, хотя понимал, что лучше работать,

не отвлекаясь на пустые мероприятия. Большинству организаторов он не верил. Собранные средства редко попадали по назначению. Но эта мысль всегда приходила вне дома. Перед такими мероприятиями руки гения покидали жерла резиновых перчаток и завязывали галстук на худой шее. На узких, слегка опущенных плечах белый халат заменялся тёмным пиджаком. От бороды оставались лишь густые усы – такими жестокими бывали бритвенные цунами.

Сейчас в чистоте подвала, заставленного грудями дорогой аппаратуры, гений склонился над своим детищем – био-платой. Перед тем, как её создание стало возможным, исследователи наноуровня изобрели много невероятных технологий. Благодаря им, появилось новое мощное поколение био-процессоров. Гений любил всё, что создал, но она была прекрасней остальных изобретений, которую практичные военные техники назовут всего лишь новой «материнкой». Он смотрел на био-плату, как на карту двух королевств. Они были точно инь и ян – разные во всём, но неотделимые друг от друга. В первом на кислотно-зелёном текстолите стояли три квадратных замка-нанопроцессора с причудливой архитектурой. Во втором королевстве билось крошечное механическое сердце: оно разгоняло по дельфиньему мозгу, интегрированному прямо в плату, искусственную кровь, которую вырабатывал кибернетический орган. Кислород и другие необходимые ингредиенты для красной жидкости подавались из баллонов, пластиковых пакетов и прочих сосу-

дов, похожих на те, что стоят в хирургических отделениях. Это давало целый букет довольно резких запахов в подвале. О прекрасное и безумное творение! Конечно, оно не оправдывало смерти тех дельфинов, которые пошли на пробный материал, но доказывало неизбежный прогресс всей кибернетической отрасли. Чудеса науки выпили немало крови. Однако биоплата была всего лишь частью более сложной машины, которую ещё предстояло создать.

Вдруг на винтовой лестнице, ведущей в подвал, послышались знакомые шаги. Гений проигнорировал их, приписывая своему больному воображению и никчёмным нервам. Нагло хлопнула дверь – творец обернулся. Уединение гения закончилось.

– Здравствуй, отец! – крикнул вошедший, и стены подвала радостно звякнули эхом. Гений от неожиданности слегка разозлился: он не любил отклоняться от своих планов:

– Илья, разве я не учил тебя стучаться прежде, чем войти? – отпрыска шокировал ворчливый старческий тон. Отец не подумал, вернее, не понял, что сказал.

– Это же я, твой сын! Я вернулся!

Вместо долгожданного приветствия гений машинально повторил вопрос. Если бы у Ильи была вставная челюсть, он бы её уронил и долго искал, бубня себе под нос что-нибудь невнятное. К великому сожалению, с незапамятных времён гениям сложно разговаривать даже с родственниками. Отец отрешённо хлопал глазами, но внезапно прозрел и понял,

кто перед ним стоит. Старый брюзга в белом халате кинулся обнимать сына. Они долго и воодушевлённо рассказывали о своей жизни, перебивая друг друга: много тем накопилось с их последней встречи. Учёного трясло от радостного волнения, когда он показывал биоплату. Старик говорил сыну, как много ещё нужно сделать, ведь это только начало. А Илья сможет, успеет, продолжит, создаст... И всё счастье от этой долгожданной встречи преумножилось, хотя начиналась она нелепо. Но ведь в пути тоже трудно угадать, куда он тебя приведёт – к скорби или к радости. Пессимист видит одно, оптимист – совершенно другое, правда, даже реалист не знает ни начала, ни конца. Извечное любопытство одинаково толкает всех смотреть в туман или в замочную скважину, а может заставить прыгнуть в колодец, где дна никогда не было.

Дальше была целая ночь задушевных разговоров. Вспомнили маму, которая умерла при родах Ильи. Отец несколько раз пытался снова сойтись с кем-нибудь, но не получалось – гениальность мешала и ребёнок. В итоге все члены этой неполной семьи ушли с головой в науку, в учёбу, в работу, как и их предки – почти ни у кого из них не было простого человеческого счастья, поэтому они творили. Поговорили, вспомнили, поддержали друг друга – ведь больше на целом свете у них никого не осталось. Достали коллекционный коньяк – подарок от одного из спонсоров исследований – и ближе к утру пошли спать.

А к вечеру следующего дня всё изменилось в жизни Ильи. Одно сердце внезапно остановилось, как будто оно только и ждало момента, чтобы передать все дела своего хозяина и навсегда успокоиться. Ворота фамильного дома зашумели, открылись – птицы в парке загалдели, разлетелись. Катафалк медленно выехал со двора. Чуть в отдалении следовала процессия из пяти тёмных электромобилей. Все они двигались со скоростью размеренного шага, а редкие прохожие на тротуарах печально и отстранённо провожали взглядом траурный караван. Он плыл недалеко от парка, который ещё вчера был красивее. Просто за ночь ветер сдул все листья, дождь полил их и оставил валяться под ногами вместо конфетти рядом с грязной заваркой луж. Парк состарился ещё на один год, облысел, стал призрачным, похожим на кладбищенские аллеи. Широкие окна серого здания долго провожали своего прежнего хозяина. Дом замёрз, подвал опустел. Осень забрала себе летние дожди, лужи присвоили одеяло из листьев.

Уже на кладбище по капотам забарабанил дождевой марш, сливаясь с похоронным. Капли стекали с полированной поверхности, воссоединяясь с лужами. Открыли катафалк, вынесли гроб. Капли солидарно прекратили падать. Илья вышел из машины, следуя по последней тропе отца. Молча и отстранённо шагал сын по земле, готовый безразлично принять очередное тело. Так и не узнал своего отца. Зачем было расставаться для учёбы? Чтобы потом приехать за день до смерти?

Появился корреспондент местной газеты – худенькая брюнетка, одетая во всё чёрное и с тёмными накладными ногтями. Она поднесла диктофон к губам, как будто накрашенным чернилами, но, передумав, убрала в карман. Машина увезла корреспондента, дождь снова закапал. Эта готичная брюнетка знала Илью – они были одноклассниками – но не смогла взять у него интервью, не хотела лишний раз напоминать об утрате, хотя понимала, что получит выговор в редакции.

Старый дом в очередной раз перешёл по наследству. Почти ничего не изменилось, но теперь машины стали появляться чаще и безо всякого расписания. Парк за бетонной стеной оживился движением. Прохожие оделись потеплее и снова вышли на прогулку. Но сын гения до сих пор не мог прийти в себя от потери и смотрел на людей только через стекло. Сидел на скрипучей кровати в комнате на втором этаже и молчал. Неторопливо наступала зима. Уходя из холодной комнаты, которая когда-то была его детской, Илья случайно взглянул на календарь, где отец обводил кружками прожитые дни:

– Вот уже и девять дней, а этот кусок картона всё ещё здесь, – Илья хотел выкинуть календарь, но вместо этого бережно взял его и положил в тумбочку. Сегодня сыну гения предстояло идти на званый вечер, посвящённый открытию нового корпуса университета, где преподавал отец.

– Очередной праздник для меценатов, – раздражённо ска-

зал Илья в пустоту и принял небольшую дозу крепкого алкоголя. Сын всегда был похож на отца, часто копируя его, своего бога, покровителя, наставника. Человека без упрёка, без малейшего изъяна видели детские наивные глаза. Почти как клон, Илья следовал по жизни, но она вылепила из него новое изваяние. Он старательно изучал медицину, новые технологии, а в свободное время – психологию и программирование. В какой-то степени жизни как таковой у него и не было. Тепличный вундеркинд, выращенный гением в качестве ассистента.

Новое крыло для университета построила одна замечательная корпорация, где трудилось большинство выпускников этого вуза. Задел на будущее – вкладывать средства в перспективных студентов, плавно переходящих в новые кадры. Илья приготовился выслушивать соболезнования от людей, которые раньше поливали его отца грязью. Они были противниками всего нового и не простили старому учёному отказ от преподавания в пользу научных исследований.

Сын собрался. Тёмная машина увезла его в непонятный, полный притворства мир. Сидя в электромобиле, Илья положил планшет себе на колени, словно кошку, и под вымышленным именем погрузился в сеть. В отличие от отца, сын любил её за откровенность. Паутина, небрежно накинутая на весь земной шарик, давала общение оптом и в розницу, с круглосуточной доставкой на дом и в офис. С лёгким содроганием Илья попрощался с виртуальными себе-

седниками. Сохранив в памяти пару новых контактов, он убрал планшет. Через тонированное стекло виднелся парадный вход с пафосной красной дорожкой. Ленту уже кто-то торжественно разрезал. И гости не спеша заходили в новостройку. Илья отправился за ними, ожидая услышать глупую лесть или учтивую ложь.

Яркие электромобили у красной дорожки сменялись серыми служебными машинами. Илья поднялся по внушительным ступеням, оставляя на сукне мокрые пятна. Зачем-то обернулся, но, увидев удивлённые лица идущих сзади, понял – идея была неудачной, и зашёл в освещённый вестибюль. Приглашённые чинно разделись, получив на руки бирки из белого пластика с символикой корпорации.

Реклама была здесь повсюду. Огромные буквы тарачились на людей со стен, пола и потолка, посередине зала прямо в воздухе висела голографическая афиша. Гости озирались по сторонам, словно бродили по зоопарку. Они прошли по аудиториям и собрались в концертном зале. Илье достался последний ряд. Выступил один из акционеров корпорации, за ним несколько преподавателей и завершил словесную эпопею ректор. Говорили что-то банальное, торжественное. Потом объявили минуту молчания в память о великих людях, которых недавно не стало. В тот момент Илья чуть не сломался. Про себя он отметил, что мир лишился четырёх уникальных учёных.

Праздник продолжался – гостей ожидали банкет и танцы.

А сын гения тонул в сонных мыслях, беспомощно барахтался на водной глади сознания. Целые сутки на ногах – это ненормально. Соболезнующие маски лиц немного покачнулись, расплылись в мутной картине происходящего, нарочито трогательные голоса утонули в гудении головной боли. Бессонница ещё никого не красила, тем более в сочетании с алкоголем. Илья заметил официанта с широким подносом, где напололам с пенистым шампанским стояли разноцветные коктейли в ажурных фужерах. Напитки быстро расходились по рукам. Официант повернул к бару – закончились припасы; Илья – за ним. За стойкой, на одной из полок, зажатая между спиртным, вырисовывалась банка растворимого кофе.

Резкий толчок, почти удар, Илья понял, что врезался в танцующую пару. Не успел извиниться, как удивлённая его неловкостью дама повернулась к нему лицом – он мигом проснулся.

– Неужели? Привет, рада тебя видеть! – она быстро забыла про партнёра по танцу и внимательно рассматривала нарушителя спокойствия, который сразу покраснел, как лакмусовая бумажка в кислоте. Вспомнилась банальная история: Илья тайно любил эту особу в те далекие школьные годы, когда сидел с ней за одной партой. Признаваться никто не хотел, правда, все окружающие давно говорили:

– Хорошо смотритесь!

А ещё однажды её бабушка сказала:

– И всё-таки вы любите друг друга, – после этого случая они почувствовали себя неловко, а учебный год вскоре закончился. Отец отправил Илью в более престижную школу – и больше они не встречались.

– Здравствуй, Сара! Извини, – опуская глаза, он многозначительно выделил последнее слово. Ему снова стало неловко.

– Не надо, забыли, – смутилась она, перебирая в памяти школьные эпизоды, связанные с ним. Брошенный танцор-неудачник попрощался расстроенным взглядом и ушёл, оставив старых знакомых практически наедине, если не считать разбитой на такие же пары толпы.

Через баррикады тихо кружащихся гостей пробирался полевой почтальон. Он показывал чудеса ловкости, неся хрупкий груз. Это официант снова разносил напитки, стараясь никого не задеть и не опрокинуть поднос. Жидкость игриво плескалась, грозя пролиться на гранитный пол. У официанта было отличное чувство равновесия и неиссякаемый запас терпения. Илья ограбил и без того быстро пустеющий поднос на два коктейля – шампанского уже просто не осталось.

Свет становился ласковее, мелодия – красивее, а Сара была совсем рядом. Казалось, сама судьба снова столкнула их. Ведь тогда на кладбище Сара не осмелилась подойти к Илье. А сейчас он вдруг ясно увидел её. Она была всё той же: мрачная манера одеваться, весь этот готический налёт, эта непохожесть Сары на какую-нибудь другую Сарру. Вместо смуг-

лого лица – светлое, с русыми волосами, которые постоянно перекрашивали в иссиня-чёрный. Большие тёмные глаза, как будто в них можно найти ответы на все вопросы мироздания. Илья понял, если ничего не сделать, то Сара снова исчезнет из его жизни, как после бабушкиной фразы. Но сейчас музыка уговаривала раствориться... Блаженство нарушил мерзкий звук – зазвонил смартфон: Сара забыла поставить его на вибрацию.

– Что случилось? Я же просила... Серьёзно? Еду, – она быстро пробежалась пальцами по сенсору, дисплей окрасил её профиль в бледно-жёлтый.

– Извини, я должна ехать, это мой журналистский долг. Слушай, раз нас прервали, давай я тебе позвоню как-нибудь? – Илье послышалось «когда-нибудь» и он произнёс номер. Сара в ответ тут же набрала его и сбросила:

– А это мой. Запиши, увидимся ещё!

– Да, пока! – и они расстались с надеждой на скорую встречу.

«Как всё начиналось и чем закончилось!» – подумал Илья, возвращаясь домой. Он ожидал, что вечер будет похожим на чёрно-белую фотографию, а вышло по-другому.

Несмотря на неожиданную встречу, Илья на следующий же день заперся в лаборатории – он обещал отцу закончить исследование. Даже смартфон с собой не взял. Сара всё звонила и звонила, но сын гения работал и ничего не слышал. Илья снова пытался забыть смерть родного человека.

В конце концов, у смартфона сел аккумулятор.

Через неделю Илья завершил работу, начатую отцом, и создал нечто. Творец еле-еле поднялся наверх. Он зарядил смартфон и обнаружил кучу пропущенных звонков от Сары. Не глядя на часы, перезвонил. На миниатюрном дисплее появилась белая спальня и завёрнутая в одеяло мирно спящая Сара – её смартфон был на громкой связи и стоял где-то рядом. Сработало автоподнятие трубки. У корреспондента в этом плане всё было предусмотрено.

– Кто звонит в такую рань?

Илья наконец-то обратил внимание на часы: 6:01, но самое смешное – сегодня было воскресенье.

– Это ты объявился?! Я тебе столько раз звонила! Слушай, а ты ещё раньше не мог меня набрать? – Илья подумал: «Действительно, неудобно получается», но быстро нашёлся:

– Ты же журналист? Я смотрю, даже смартфон ловко настроен.

– Вообще-то да, но не в шесть часов утра, да ещё и в воскресенье! Забыла вчера включить «в самолёте», – Сара даже носа не показывала из-под одеяла и бурчала оттуда.

– Извини, но дело важное! Тебя ждет эксклюзивное интервью, в котором я расскажу о новейшем открытии, – уголок одеяла моментально приподнялся, из-под него сначала высунулась взъерошенная макушка, затем вся голова. Илья увидел, что между чёрными волосами проглядывали светлые пряди. Сара сделала мелирование, это ей совсем не шло.

– Что ты сделала со своими волосами?! – Она опомнилась, изображение исчезло. Через пару минут она перезвонила – причёска лежала как надо, полоски казались даже красивыми.

– Мне так больше нравится! И вообще, это не твоё дело!

– Беру свои слова обратно...

– А насчёт интервью? – испуганно спросила Сара, а Илья улыбнулся:

– Нет. Всё в силе.

– Так, когда и где?

– У меня дома в... э-э...

– Это приглашение на завтрак?

– Да, но я могу перезвонить! – она снова испугалась, что очередная сенсация проплывёт мимо:

– Хорошо, еду, никому ни слова! Жди! – картинка погасла.

Илья успел слегка прибраться в подвале, переодеться, пока Сара добиралась. Вскоре звонок на воротах, запищал. Хозяин позволил им открыться. Гостья вошла во двор, ступая по утрамбованному, но удивительно чистому снегу. Скрип под ногами и тишина вокруг поразили Сару своей красотой. Отравленные звуки города остались там, за парком. Дворик был белой сказкой, накрытой ветвистыми сводами голых деревьев. Через них проглядывало зимнее полотно неба. Холод обнял Сару, взял за руки, растёкся по венам. Старинные фонари освещали двор, снег поблёскивал, почти согревал.

Готический мотив голых деревьев слился с порывами ветра. Сара услышала ритмичное поскрипывание снега:

– У тебя здесь так красиво, Илья!

– С тобой – да! – эти слова её поначалу обескуражили и обезоружили. Она часто принимала комплименты за лесть. Журналистская привычка и кредо: «Все врут, даже я». Правда редко печатается в газетах и интервью давать не любит.

– Без меня этот двор выглядит точно так же, – холодно отрезала Сара и окончательно замёрзла.

– Пойдём тогда в дом, – печально сказал Илья и поёжился.

– Журналист проснулся. Я готова. И, пожалуйста, если можно, покороче, вдруг ещё успею выспаться, – Сара знала, что такие вещи слышать неприятно, но продолжала размахивать хлыстом фраз, а это она умела превосходно – богатый опыт работы с людьми. Сара всегда была крайне смелой. Хозяин дома в порыве злости молча зашаркал по снегу и без лишних задержек повёл Сару к сенсации – в подвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.